

Подняв глаза на пышную светящуюся поросль, он внезапно проникся неизъяснимым отвращением к человеку по имени Линь Цзинхэн.

Едва экран вырубился, раздался пронзительный сигнал меха «Пекин», оповещающий о воздействии гравитационного поля. Сердце Линь Цзинхэна ёкнуло: он сообразил, что причиной отключения камеры наблюдения были отнюдь не бесовские ужимки обитателей базы — это он сам удалился так далеко, что потерял без того слабый сигнал сети базовой станции.

— Мы попали в область действия гравитационного поля небесного тела, известного как планета Соддо [1], и с ускорением движемся по направлению к ней, — уведомил Чжаньлу. — Прошу принять к сведению, что параболическая скорость [2] для Соддо равняется 65,8 километрам в секунду, что позволяет отнести её к планетам с высокой силой тяготения. Господин, предлагаю немедленно активизировать ускорители. Вы согласны?

[1] Соддо — в оригинале 索都 [Suǒdūdō] — так записывается название города Соддо на юго-западе Эфиопии, административный центр зоны Волайта. Там сконцентрированы здравоохранительные и образовательные учреждения Эфиопии.

[2] Скорость убегания 逃逸速度 [táoyì sùdù] — также вторая космическая скорость, параболическая скорость или скорость освобождения — наименьшая скорость, которую нужно придать стартующему с поверхности данного небесного тела объекту для преодоления гравитационного его притяжения и покидания замкнутой орбиты вокруг него. К примеру, для Земли она равняется 11,2 км/с, для Солнца — 617,7 км/с, скорость убегания для Соддо близка к таковой у Юпитера (61 км/с) — самой крупной планеты Солнечной системы.

— Нет. — Линь Цзинхэн продолжал созерцать потемневший экран. Помолчав немного, он велел: — Передай координаты и показатели колебаний силы притяжения. Насколько сильно мы отклонились от изначального курса?

Они пересекали не размеченную на картах область, приближаясь к границе Восьмой галактики. Хотя теоретически эта зона ещё оставалась в пределах юрисдикции Межпланетной лиги, по иронии судьбы первопроходцами, нанёсшими её на карту, равно как и наиболее активными исследователями были члены разрозненного сообщества контрабандистов.

Поскольку составлением навигационных карт они занимались исключительно ради выживания и заработка, все прочие аспекты нимало их не заботили: там были размечены безопасные фарватеры подпольных маршрутов, но что ждёт того, кто отклонится от них, и каково возможное расстояние прыжка, оставалось только догадываться — или же заполнить эти пробелы самому.

Чжаньлу шустро вывел координаты.

— Господин, оценить угол отклонения от курса нет возможности. Полагаю, мы слишком сильно удалились от маршрута. Что вы здесь ищете?

Вой тревожной сирены всё нарастал, взвившись до истерических интонаций, а Линь Цзинхэн в этот критический момент не нашёл ничего лучшего, как мимоходом запустить на экране недавнюю запись, где Лу Бисин крутился перед камерой наблюдения: глаза радостно сияют, лицо расслабленно — он будто беспечно позировал на фоне туристической достопримечательности.

Даже искусственный интеллект был не в силах вынести того, как Линь Цзинхэн перед лицом смертельной опасности предаётся суетным желанием.

— Господин, сила тяготения продолжает расти, — напомнил Чжаньлу.

— Угу, — рассеянно отозвался Линь Цзинхэн, не отрывая взгляда от экрана. — Мы приближаемся к Пустыне, так ведь?

Пустыней назывался устойчивый пояс астероидов [3] между планетой Соддо и Восьмым Солнцем, состоящий из миллионов небесных тел от нескольких сотен километров до человеческого роста в диаметре.

[3] По свойствам описываемый астероидный пояс походит на Главный пояс астероидов между орбитами Марса и Юпитера.

Несмотря на относительную стабильность этого пояса, составлявшие его астероиды и не думали вести себя прилично: они то и дело наскакивали друг на друга, образовывали пары, рождались и умирали. Здесь скрывалось немало «кладбищ комет», которые сонно парили, словно призраки, чтобы в один прекрасный момент быть пробуждёнными колебаниями гравитации и, взметнув огненный хвост подобно фениксу, с рёвом пронестись по унылым просторам Восьмой галактики.

Эта область не походила на обычные разреженные пояса астероидов: из-за своих коварных свойств она получила прозвание пустыни смерти, куда не осмеливались соваться даже космические бродяги — считалось, что оттуда не возвращаются.

Из-за истошного завывания тревожной сирены «Пекина» голос Чжаньлу звучал искажённо:

— Господин, я обязан предупредить вас, что территория прямо по курсу чрезвычайно опасна. Повторяю: чрезвычайно опасна. Такой маленький мех, как «Пекин», по своим техническим характеристикам не способен пересечь Пустыню. Вам следует...

Не обращая на него внимания, Линь Цзинхэн поставил защитное поле «Пекина» на максимум. Вокруг меха начала собираться звёздная пыль, и тут же выскочило оповещение: первый камушек ударился о корпус.

— Господин...

— Определи ближайшую точку перехода, — перебил его Линь Цзинхэн.

Чжаньлу не мог противиться его приказу, и всё же не удержался от замечания:

— Поблизости не зафиксировано ни одной такой точки.

Не успел он договорить, как из пусковых ячеек «Пекина» вырвались реактивные управляемые снаряды: Линь Цзинхэн открыл огонь по ближайшему скоплению астероидов, и те разлетелись в стороны, будто шахматные фигуры на доске, беспорядочно сталкиваясь друг с другом. При соударении они испускали слабое свечение, словно зодиакальный свет [4] далёкой Солнечной системы, известный им лишь по древним преданиям, и осколки смертоносным дождём хлынули на «Пекин».

Благодаря необычайной манёвренности «Пекина» Линь Цзинхэн с невообразимой точностью сумел увернуться от всех обломков: похоже, этот мех был ещё более проворен, чем он сам.

[4] Зодиакальный свет 黄道光 [huángdào zhī guāng], также ложный рассвет — слабое свечение перед восходом или вскоре после захода Солнца, имеющее форму светлого треугольника, вытянутого вдоль плоскости эклиптики и расширяющегося по направлению к Солнцу. Возникает в результате рассеяния солнечного света на линзообразном скоплении частиц пыли, лежащем в области эклиптики. Лучше всего виден в тропических и экваториальных широтах, где поднимается почти горизонтально к горизонту, в безлунные ночи или ночи близкие к точкам равноденствия.

— Господин, вам недостаёт сдержанности... — Фразу Чжаньлу оборвал гигантский астероид, на огромной скорости чиркнувший по хвостовой части «Пекина», отчего весь корпус содрогнулся. Легковозбудимая система безопасности испустила пронзительный вопль. Однако прежде чем случилось по-настоящему фатальное столкновение, Чжаньлу обнаружил магнитное поле точки перехода, и Линь Цзинхэн немедленно совершил пространственный скачок.

Его расстояние было необычайно коротким: конечная точка находилась менее чем в половине дня пути, так что они прибыли туда в мгновение ока.

Теснящие их со всех сторон небесные тела испарились как по волшебству: под воздействием мощного магнитного поля пространственного прыжка образовалась чистая зона больше десяти километров в диаметре, подобная глазу бури.

Тревожный сигнал наконец-то перестал верещать, оставив по себе звон в ушах.

— Переход осуществлён успешно, — сообщил Чжаньлу.

Линь Цзинхэн поставил «Пекин» на обратный курс к месту пространственного прыжка и, стабилизировав его состояние, направился напрямиком к этой странной точке перехода.

— Считаю маркировку, код точки... — Чжаньлу внезапно замолчал. — Это слово?

— Что?

— Идентификатор этой точки перехода — «Сюрприз».

Очевидно, они наткнулись на нелегальную точку.

В пределах Звёздной лиги каждая точка перехода имела унифицированный идентификатор, состоящий из шести букв и трёх цифр: он содержал информацию о времени её постройки и расположении, предназначена ли она для гражданских или военных нужд, какова её максимальная вместимость и расстояние скачка, и тому подобном. На этот счёт действовали строгие правила, которым следовали даже большинство маргиналов — разве что идентификаторы их частных точек имели звёздочку в конце.

Но эта точка перехода посреди пояса астероидов как бессмысленностью своего существования, так и своим устройством, казалось, насмехалась над всеми нормами.

Глаза Линь Цзинхэна прищурились в подобии мимолётной улыбки. Едва выпущенный в кабину защитный газ медленно втягивался. Запрокинув голову, Линь Цзинхэн со вздохом откинулся на спинку мягкого кресла и посмотрел фосфоресцирующие посадки в бутылках, парящие над его макушкой, а затем его внимание скользнуло по устремлённой вовне ментальной сети меха. Везде, куда ни кинь взгляд, простирались массивные туманности, надёжно укрытые слоями густой дымки, будто коконы шелкопряда.

Этот «Сюрприз» походил на невидимую глазу заднюю дверь, хитроумно размещённую в самом опасном месте.

— Господин, — вновь подал голос Чжаньлу. — Эта точка перехода была сооружена в точности по образцу подобных ей точке Лиги, полагаю, около ста или ста пятидесяти лет назад — более конкретной информации мне получить не удалось.

— Эта информация была удалена из твоей памяти: они хотели получить доступ к твоей базе данных, когда он сидел под домашним арестом, — еле слышно отозвался Линь Цзинхэн, не отводя взгляда. — Возможно, он сделал это из простой предосторожности, а может, уже тогда понимал, что Лига гниёт изнутри.

— Вы имеете в виду, что эту точку перехода создал генерал Лу Синь?

— В сто тридцать шестом году Лу Синь пересёк границу Лиги окольным путём и вторгся в Восьмую галактику по секретному маршруту близ планеты Соддо, таким образом буквально свалившись с небес на головы своих противников. После войны для удобства пользования все секретные маршруты были размечены как обычные межзвёздные трассы Лиги. Всё это детально описано в соответствующих исторических трудах, но я никогда им не доверял. Я бесчисленное множество раз всевозможными методами пытался смоделировать ту самую битву, но всегда присутствовали небольшие погрешности. Так я и понял, что поблизости должна быть ещё одна точка перехода, оставшаяся незадокументированной.

— Насколько мне известно, отчёт об этой битве, который генерал Лу представил командованию Лиги, признан абсолютно достоверным и до сих пор используется как образцовый для обучения в академии Улань, — усомнился Чжаньлу.

— Само собой, его доклад был сфабрикован, чтобы одурачить всех этих диванных экспертов из Военного комитета Лиги. Там даже говорится, что тяжёлым мехом, который он в тот день пилотировал, был ты.

— А разве нет? — простодушно удивился страдающий провалами в памяти Чжаньлу.

— Ну разумеется, нет. Зачем ему было брать тебя в столь дальний рейд? Ты не только потребляешь чересчур много энергии, но ещё и слишком бросаешься в глаза: стоит пиратам завидеть хотя бы отблеск твоего корпуса в открытом космосе, как они прыснут во все стороны. Возможно, он прихватил твоё ядро, но корпус точно был другим. Это лёгкое расхождение с докладом как раз и обеспечило ему идеальное нападение из засады.

Чжаньлу, которого только что обозвали чересчур энергозатратным и мозолящим глаза, почувствовал себя несправедливо обиженным. Приняв человеческую форму, он с видом оскорблённого достоинства замер рядом со своим предвзятым хозяином.

Так они и парили тесном пространстве кабины в полном безмолвии: казалось, само время вокруг них остановилось.

Если бы не открытые глаза полулежачего в кресле человека, Чжаньлу решил бы, что он уснул. За долгую карьеру военного Линь Цзинхэну нечасто доводилось бывать на солнечном свете, и даже сейчас, спустя несколько лет после того, как он покинул Серебряный форт, его отличала характерная для космических солдат бледность. Считалось, что лишённая солнечного света среда обитания способствует негативным эмоциям, поэтому военным полагался еженедельный мониторинг и коррекция уровня гормонов и эмоционального фона, но Линь Цзинхэн настоял на блокировке Эдема, словно волк-одиночка, нипочём не желающий вливаться в человеческое

общество.

— В детстве я всегда мечтал стать похожим на Лу Синя. — Линь Цзинхэн вновь вошёл в систему наблюдения базы и принялся искать видео с других камер. К сожалению, на станции их было кот наплакал, так что всё, что ему удалось нарыть — вид на восторженно беснующуюся толпу с разных ракурсов, но того самого купающегося в сиянии человека среди них не было, так что Линь Цзинхэн ощутил что-то сродни разочарованию.

— Лично я считаю, что талантами вы не уступаете генералу Лу, — заметил Чжаньлу.

— Сам по себе талант не стоит и гроша. — Продолжая своё одинокое странствие между надёжно запрятанными точками перехода, перед лицом реликвий, оставленных его предшественником, Линь Цзинхэн наблюдал, как какой-то старик улыбается, запрокинув лицо к парящему в воздухе термоядерному реактору. — Когда-то Лу Синь был беззаветно предан Декларации свободы Звёздной лиги, его вера была несокрушима, как камень. Он искренне любил Лигу, любил цивилизацию Новой Звёздной эры — и всегда был готов встать на её защиту, готов в любой момент отдать жизнь во имя того, во что верил.

Чжаньлу поднял на него изумрудно-зелёные глаза, и Линь Цзинхэну внезапно захотелось укрыться от этого взгляда, светящегося чистотой и наивностью. «Ну а я не питаю к Лиге ни капли тёплых чувств», — добавил он про себя.

Он не был привязан ни к чему и ни к кому в пределах Межзвёздной лиги, Декларация свободы могла вызвать у него разве что презрительное фырканье, а Серебряный форт и семь галактик были не более чем шахматной доской для его грандиозной партии.

Все эти годы одной рукой он как представитель Центрального комитета Лиги оказывал давление на Первую галактику, требуя военной автономии для всех галактик, а другой — исподволь потворствовал обострению конфликта [5] обеих фракций.

[5] Конфликт — в оригинале 矛盾 [máodùn] — букв. «копье и щит», обр. в знач. «противоречия».

Не имея военной автономии, в случае чрезвычайной ситуации прочим звёздным системам оставалось лишь взывать о помощи к подразделению Центральной армии, базирующемуся в их галактике, однако те, в свою очередь, не могли действовать без распоряжений из Серебряного форта, даже если космические пираты заявятся прямо к ним на порог — а всё потому, что Надзорный совет Центральной армии держал в кулаке все мехи: пока он не соизволит передать секретный ключ, ни один мех не покинет пределов атмосферы планеты. Ну а члены Надзорного совета тем временем наслаждались вольготной жизнью важных шишек на Уто вместе со своими семьями.

Когда Линь Цзинхэн служил в Серебряном форте, обменный курс между Первой и Второй галактиками достигал 1 к 52, однако тому, кто желал заняться межгалактической торговлей, предстояло миновать по меньшей мере десяток контрольных пунктов, и размещённый в каждом из них гарнизон обдирал их как липку, так что в итоге эти «таможенные пошлины» с лихвой перекрывали возможную прибыль. Если же обитатели периферии желали посетить более развитые галактики, то без финансирования из правительственного фонда одни лишь дорожные расходы сожрали бы их накопления за полжизни.

За эти два века за красивыми декорациями сада Эдема процветала грабительская эксплуатация и имущественное неравенство. Разумеется, Центральный комитет прекрасно понимал, что, стоит даровать другим галактикам военную автономию, как Лига тотчас затрещит по швам.

Однако пока военный флот Центральной армии возглавлял Линь Цзинхэн, прочие галактики вынуждены были подавлять своё недовольство, и даже космические пираты не осмеливались поднять головы [6], так что атмосфера обманчивого спокойствия притупила бдительность правления Лиги. Воспользовавшись этим, адмирал расставил бывших подчинённых Лу Синя на нужные ему посты. За исключением Елева, которого Линь Цзинхэн держал при себе, поскольку его психическое состояние вызывало опасения, прочих он «сослал» захолустные [7] армейские подразделения других галактик — будто опасных зверей, которых надлежит посадить на цепь.

Но только Линь Цзинхэн подготовил всё к осуществлению своего плана, как бестолковые члены Административного комитета по наущению какого-то доброхота решили избавиться от сыгравшего свою роль адмирала [8]. Линь Цзинхэну оставалось лишь подыграть [9] им: он рассчитывал, что после его исчезновения возвращение тирании космических пиратов — дело времени, и удар прежде всего придётся по лишённым военной автономии периферийным галактикам — под его натиском без того хрупкий баланс между первой и остальными семью галактиками рухнет окончательно.

[6] Не осмеливались поднять головы — в оригинале чэньюй 風平浪靜 [fēngpíng làngjìng] — «ветер стих и волны успокоились», ср. «тишь да гладь».

[7] Захолустные — в оригинале 雞肋 [jīlèi] — в букв. пер. «куриные рёбрышки», обр. в знач. «незначительный», «пустяковый».

[8] Избавиться от сыгравшего свою роль адмирала — в оригинале чэньюй 卸磨殺驢 [xiè mò shā lú] — в пер. «убить осла, когда помол окончен», обр. «проявить чёрную неблагодарность», ср. «мавр сделал своё дело, мавр может уходить».

[9] Подыграть — в оригинале чэньюй 順水推舟 [shùnshuǐ tuī zhōu] — в пер. «толкать лодку по течению», обр. в знач. «действовать сообразно обстановке», ср. «ковать железо, пока горячо».

Как только семь галактик воочию узрят истинное лицо Центрального комитета Лиги, нипочём не желающего делиться властью, они объединятся с командованием Центральной армии, генералы которой также слишком долго таили недовольство произволом Лиги.

И освободят этих зверей от цепей и ошейников.

Не менее чем пять лет спустя правительству Лиги придётся выбирать между утратой реальной власти и полноценным политическим переворотом.

А когда вернётся Серебряная десятка, разделит ли Центральный комитет Лиги участь последнего императора династии Цин, отрёкшегося от престола, или же Людовика XVI, окончившего свои дни на гильотине, всецело зависит от их настроения.

Однако чего не учёл Линь Цзинхэн, так это того, что человек предполагает, а Небеса располагают: когда по прошествии пяти лет его грандиозная пьеса должна была разыграться как по нотам, на сцену ворвутся незваные гости из-за границ обитаемых галактик и перевернут все его планы с ног на голову.

И в том, что Лига ничего не смогла им противопоставить, был отчасти повинен его многолетний саботаж.

Перед тем как уйти, Лу Синь препоручил своему лучшему ученику идеалы, в которые верил, пусть они и отвергли его самого; мог ли он предвидеть, что тот, кого он оставил Лиге, станет

для неё не спасительным талисманом, а медленно разъедающим её ядом?

Узнай об этом Лу Синь в загробном мире, что бы он сказал?

На экране монитора застыла улыбка Лу Бисина — озорная и вместе с тем немного виноватая — перед которой не способно устоять ни одно сердце.

Всматриваясь в это лицо, Линь Цзинхэн поневоле задумался: «Всё это время я стремился оградить его от безжалостной правды, потому что боялся, что ненависть и ответственность лягут на его душу непомерным грузом — но так ли это на самом деле?»

Разве не он сам всегда ратовал за то, что детей следует бросать на воспитание волкам, чтобы они выросли сильными?

К тому же, Лу Бисин отнюдь не был ребёнком: он знал, чего хочет и как ему надлежит поступать и был готов нести за это ответственность.

Когда же адмирал Линь, этот бессердечный психопат, сделался столь заботливым и участливым?

«Наверно, таким образом я пытаюсь скрыть своё истинное лицо, только и всего».

...Просто он не хотел, чтобы плоть и кровь Лу Синя, его единственный сын разочаровался в нём, узнав, что тот, на кого его отец возлагал столько надежд, оказался не более чем банальным интриганом — причём до того незадачливым, что все его замыслы в решающий момент потерпели крах, обратившись в обыкновенный фарс.

Подняв глаза на пышную светящуюся поросль, он внезапно проникся неизъяснимым отвращением к человеку по имени Линь Цзинхэн.

— Господин, координаты точки перехода «Сюрприз» введены в систему, — нарушил молчание Чжаньлу. — Что делать дальше?

— Углубляемся в Пустыню смерти. — Линь Цзинхэн быстро собрался с мыслями. — Полагаться на один подпольный маршрут слишком опасно, нужен запасной. Раз Лу Синь тогда смог пересечь Пустыню, то и нам следует рассмотреть этот вариант.

— Господин, я не могу одобрить ваш план, — невозмутимо отозвался Чжаньлу. — Обстановка в этом поясе астероидов необычайно сложна, и даже если прежде здесь существовал безопасный маршрут, его давно уже нет. Генерал Лу Синь располагал подразделением высокопрофессиональных специалистов по съёмке местности и опытными проводниками из Восьмой галактики, вы не можете проделать это в одиночку... Хорошо, я понял. Углубляемся в Пустыню.

Первое правило, которому следовал искусственный интеллект, заключалось в том, что он может высказывать суждения, но обязан беспрекословно подчиняться прямому приказу.

Тем более, если в хозяева ему достался подобный самодур.

— Однако я оставляю за собой право вносить предложения, — помедлив, добавил Чжаньлу. Из своей бескрайней базы данных он принялся выуживать аргументы, сплетая из них пространные суждения. Намереваясь бороться со своим безбашенным хозяином до последнего, он заливал его потоком красноречия, при этом ни на волос не отступая от приказа.

Спустя двадцать дней после отбытия Линь Цзинхэна энергетическая система станции наконец была завершена, и всё засияло ослепительными огнями.

Теперь почти половина Отряда самообороны присоединилась к инженерной команде, которая при содействии такого признанного эксперта по оружию, как Одноглазый Ястреб, принялась приводить в порядок систему обороны станции.

Космическое патрулирование, прерванное длительной забастовкой пилотов, было возобновлено: теперь они с ещё большей охотой отправлялись на разведку, стоило им подумать о том, что тепловое излучение, порождаемое мехами при взлёте и посадке, служит источником энергии для мультимедийного экрана.

Лу Бисин поселился в мастерской мехов и ежедневно отправлялся в доки, но долгожданный сигнал швартовки от меха «Пекин» так и не поступал, и даже камеры на станции прекратили поворачиваться вслед за ним, ловя каждое его движение.

Куда, в конце концов, запропастился Линь?

Как гласит старая пословица, «то, о чём думаешь днём, явится тебе ночью» — и вот однажды, когда Лу Бисин задремал за рабочим столом посреди дня, возможно, из-за сдавливания грудной клетки его посетил кошмар.

В нём Линь шагал прочь от него. Окликаая его по имени, Лу Бисин пустился вслед, но ноги будто вязли в земле, так что он не мог угнаться за ним, как бы ни старался, и ему оставалось лишь беспомощно смотреть, как Линь Цзинхэн удаляется без оглядки, пока его не поглотило зловещее белое сияние — лучи пронзили его, будто десять тысяч стрел, и Линь Цзинхэн растворился прямо у него на глазах.

Лу Бисин судорожно втянул прохладный воздух и, вздрогнув, проснулся. Сердце бухало, будто вот-вот взорвётся. Перед Лу Бисином тут же предстал Суббота, который, пробравшись в студию, собирался разбудить его с помощью громкоговорителя бабули-киноманки.

<http://bllate.org/book/17449/1631094>